

Р.Ю. Виппер и конструирование «образа» античной истории в учебной литературе

В процессе выполнения заказа Рособразования РФ на разработку темы «Теоретико-методологические основы высшего профессионального исторического образования» мы обратились к творчеству выдающегося отечественного историка, академика Р.Ю. Виппера (1859-1954), опубликовав монографию и ряд статей [1]. Данная статья является их продолжением. Она посвящена исследованию одного из вопросов, относящихся к творческой лаборатории Р.Ю. Виппера, – рассмотрению принципов конструирования им в учебной литературе «образа» античной истории.

Первые учебники по истории Древнего мира для студентов Московского университета Р.Ю. Виппер выпустил в 1905–1908 гг. К этому времени его педагогический стаж насчитывал уже более двадцати лет. Во введении к учебникам автор четко формулировал цель исторического курса, которая отражала его историческую концепцию или фокусирование научных интересов, а также представления о предназначении учебника [2].

Нетрудно заметить, что время написания учебников влияло на отбор их содержания. После военных и революционных событий первых двух десятилетий XX в. Р.Ю. Виппер, наряду с «историей состояний», начинает интересоваться и «историей событий». Этим и объясняются позиционирование «новых ракурсов» исследования и расширение спектра учебных задач. Так, предисловие ко второму изданию учебника по истории Древнего Рима 1923 г. (первое издание – 1908 г.) начинается словами: «Составитель считает необходимым расширить некоторые отделы, главным образом, со стороны фактического изложения» [3].

Крохотные по объему предисловия учебников Р.Ю. Виппера не содержат сведений о научных концепциях и руководящих идеях, определявших отбор и структурирование исторической информации в учебниках. Концепция исторического развития античных народов, главные методологические подходы и исторические проблемы, составляющие «каркас» курса, формулируются автором в процессе изложения и интерпретации фактов. При повторном издании учебника Р.Ю. Виппер в случае необходимости обращает внимание на изменение «угла зрения», то есть ориентирует новое поколение учащихся на актуализацию содержания отдельных разделов древней истории, не объясняя причин, побудивших его к этому.

Определяя содержание своих будущих учебников, Р.Ю. Виппер руководствовался несколькими важными для него моментами: состоянием источниковой базы, степенью разработки проблемы в историографии, собственными научными интересами, рефлексией на запросы современного ему общества. К примеру, в «Истории Греции в классическую эпоху IX-IV вв. до Р.Х.» он уделяет немало внимания состоянию «гомеровского вопроса», так как ко времени публикации учебника накопилось весьма значительное количество литературы о происхождении и авторстве поэм «Илиада» и «Одиссея».

Не менее существенным для Р.Ю. Виппера было состояние источниковой базы и его отношение к «образу» истории, созданному античными историками. Он игнорирует освещение ряда вопросов курса античной истории, если в его распоряжении не находится группа надежных, достоверных материалов. К примеру, он скептически относится к некоторым свидетельствам Аристотеля и Плутарха.

Он уверен в том, что сообщения Аристотеля и Плутарха представляют собой произвольные конструкции социально-политических процессов Аттики VII–VI вв. до н. э. Вымышленные построения могли появиться, полагает Р.Ю. Виппер, под впечатлением реальных событий и воздействием публицистической литературы IV в. до н. э. – периода кризиса греческого полиса. Афинская история в пересказе Аристотеля, «так стройно размещенная и рассказанная с такими реальными подробностями», – это не более чем легенды, подвергавшиеся последовательным переработкам по аналогии с событиями, очевидцем которых и был знаменитый греческий ученый, утверждает Р.Ю. Виппер [4].

Само обилие материала может создать впечатление «оптического обмана» для начинающего исследователя, но не для Р.Ю. Виппера, который ко всем источникам подходит с «критическими приемами» и отбирает из них лишь те, что удовлетворяют его безыскусностью и правдивостью [5].

В предисловии к первому изданию «Очерков истории Римской империи» он разъясняет читателю, почему отдельные проблемы курса им сознательно опускаются. Элиминирование касается древнейших страниц истории Рима – царского периода, борьбы плебеев с патрициями. «Смутные», по определению Р.Ю. Виппера, данные источников могут посеять только догадки, которые не в состоянии обосновать даже сообщения авторитетных Ливия и Дионисия Галикарнасского, которые сами нередко прибегали к «разрисовке» римских древностей. В этой ситуации Р.Ю. Випперу кажется маловероятным, что все попытки реконструировать начало римской истории увенчаются удачей [6], поэтому он и не предпринимает их.

Полнота изложения материала определялась и сферой научных интересов Р.Ю. Виппера. В начале XX в. он стремился понять закономерности в типичном, массовом, повторяющемся из века в век историческом материале, пытаясь написать «новую, социальную историю». «Социальная сторона исторического процесса выдвигалась на передний план научного анализа самим общественным развитием» [7] России пореформенного периода, началом социально-политических катастроф наступившего XX в. Кроме того, мировоззрение ученого формировалось под влиянием модного тогда в России марксизма, который он воспринимал как «экономический материализм».

Интерес к социологическому моделированию, уверенное владение социологическими методами исследования концентрировали научное любопытство Р. Ю. Виппера на разработке социально-политической истории античности. Чтобы понять его научные предпочтения, достаточно взглянуть на оглавление учебников. Так, пять из десяти глав «Лекций по истории Греции» непосредственно посвящены социально-экономическим и социально-политическим процессам в жизни Эллады. В главах, на первый взгляд не связанных с исследованием излюбленных Р.Ю. Виппером социально-политических проблем, присутствует множество вкраплений, выводящих читателя на центральную линию повествования.

Акцентирование внимания автора на тех или иных проблемах курса античной истории и превращение их в структурообразующие звенья учебных изданий могли быть рефлексией на «впечатления, настроения и запросы... современного общества, которое желает иметь науку о себе и для себя. Это общество неизбежно пытается найти в образе прошлого если не портрет свой в более молодые годы, то фамильное сходство; оно хочет знать, были ли раньше жизненные запросы, аналогичные современным, и как они решались...» [8].

Р.Ю. Виппер был убежден в том, что научные интересы имеют связь с «течениями общественной жизни» [9], которые могут давать толчок к разработке идей, определять методы отбора и интерпретации исторических фактов. Доказывая эту мысль, он приводит пример пробуждения научного интереса к истории борьбы плебеев с патрициями «темных столетий старинного Рима». Европейская мысль начала активно обсуждать эти страницы древнеримской истории в первой половине XIX в., когда «поднималась заря новоевропейской демократии; наука не могла не интересоваться живейше всеми историческими традициями демократии, ее драмами, условиями ее успеха, ее методами и аргументами», так как в римском плебсе «читались» тогда черты идеальной демократии всех времен [10].

При переработке первых выпусков своих учебников Р.Ю. Виппер нередко изменял содержание тех глав, которые к моменту повторных изданий приобретали в свете назревавших в России перемен наибольшую, как ему казалось, актуальность. Так, обновленные «Очерки истории Римской империи», по словам автора, имели «существенно переделанную» и дополненную главу о братьях Гракхах. Он должен был это сделать «ввиду интереса, который представляет первая попытка реформы, определившая всю дальнейшую программу римской демократии» [11].

Стремление Р.Ю. Виппера актуализировать содержание учебных изданий было одной из причин сознательной модернизации им явлений и процессов античного мира. Сам автор не мыслит написания учебников без этого эффективного, как ему казалось, приема, так как модернизация, по его словам, позволяла «перевести выражения окаменевших отрывков старины на наш ежедневный язык» [12]. Исторические картины при этом сразу вызывают неподдельный интерес, так как в «старинных людях» современные читатели обнаруживают самих себя. Кроме того, «отождествляя» людей предшествующих поколений со своими современниками, «мы сознаем ясно, что переживаемые нами волнения и желания роднят нас с человечеством всех времен» [13].

Р.Ю. Виппер с недоумением относится к тем своим рецензентам, которые, не одобряя его прием приближения старины к новейшим отношениям, упрекали автора в том, что он своим современным комментарием портит «застывшую гармонию» античного мира. Возражая своим оппонентам, он заявлял, что, приближая сухую древность к российской действительности, он

лишает древнюю историю условности, разрушает идеализированные, а значит, лженаучные, представления и одновременно наполняет минувшую эпоху дыханием жизни [14].

Многие коллеги Р.Ю. Виппера разделяли с ним убеждение в необходимости модернизировать античную историю, хотя бы ради того, чтобы пробудить интерес молодежи к проблемам жизни греков и римлян путем создания исторических аналогий, преодолеть изолированность античной эпохи от современной, научиться извлекать полезные практические уроки из прошлого человечества. К примеру, К.Н. Успенский (вместе с Р.Ю. Виппером) негодует на тех незадачливых рецензентов, которые в «свежем, здоровом реализме» содержания «Истории Греции...» видят лишь склонность профессора к модернизации. «Сближение и аналогии древности и современности могут казаться еретическими только до тех пор, пока царили гегельянство и всемирно-историческая точка зрения, пока господствовала вера в полную изоляцию античного мира. В наши дни уже пора признать, что подобные приемы исторической характеристики, благодаря которым классические образы оживают, облачаются в плоть и кровь, становятся ближе и понятнее, а вместе с тем и поучительнее, не только приемлемы, но и необходимы» [15].

В.П. Бузескул значительно более осторожно подходил к возможной модернизации и связанной с ней популяризации истории Древнего мира. Он, как и К.Н. Успенский, не отрицал, что сопоставление истории Древнего мира с историей Нового времени является сознательным желанием исследователей преодолеть романтично-сентиментальную точку зрения, предполагавшую идеализацию древних классических народов и пролагавшую дорогу к «слащавому» восхищению одними только успехами и достижениями, из которых якобы и состояла их жизнь. Введение в научный оборот археологических и эпиграфических источников позволило ученым представить жизнь античных народов во всей ее обыденности, прозаичности, заурядности. Лишение древних народов их «фантастического пьедестала» позволило увидеть в их повседневной жизни проблемы и кризисы, что и послужило толчком к возникновению представлений о наличии многочисленных аналогий древней истории с современной. Появившееся стремление «подновить» старину не означало призыва к искажению древней истории, к попыткам фальсифицировать ее. Но, к сожалению, этих ошибок избежать не удалось, так как, создавая параллели между прошлым и настоящим, историки стали приписывать античности явления, которых там никогда не было и не могло быть, и, напротив, сочли нужным оставлять незамеченным то, что составляло сущность греко-римской цивилизации [16].

По этой причине В.П. Бузескулу не нравятся некоторые термины, использованные Р.Ю. Виппером в «Лекциях по истории Греции»: «сеньоры», «империализм», «революционеры», поэтому, цитируя фрагменты учебника, автор рецензии берет анахронизмы в кавычки.

Действительно, учебники Р.Ю. Виппера просто «наводнены» чуждой античности терминологией. Смещенные хронологические пласты можно обнаружить, к примеру, в «Лекциях по истории Греции». В гомеровской Греции он видит присутствие «феодалных сеньоров» (68) [17] и «сеньоров-торговцев» (52), «военных вассалов» и «министерялов магната» (57), холопов (59) и «индустриальных групп» (59). Архаическая эпоха в жизни Греции воспринимается им как время «промышленного развития» (118), складывания «крупного капитала» (110), «подъема торгово-промышленного класса и крестьянства» (91), возникновения планов «социальной революции» (87), «социалистических проектов», которые берут на вооружение «организованные пролетарии» (86).

На протяжении всей республиканской истории в Древнем Риме «орудуют» капиталисты, банкиры, промышленники, феодалы, угнетающие пролетариат и крепостных крестьян; здесь непрестанно, одна за другой, следуют революции, а империалистическая политика представителей богатых классов порождает цепь насильственных действий со стороны оппозиционных партий и социальных групп.

На наш взгляд, прием модернизации древней истории, умышленно «наводнивший» греко-римский мир феодальными и капиталистическими отношениями, лишает античность ее своеобразия, мешая адекватному восприятию ее историко-культурного генезиса.

Но для Р.Ю. Виппера, похоже, не замечавшего специфики античных социально-экономических отношений, методическая цель: приблизить застывшее прошлое к реалиям предреволюционной России – представляла собой большую ценность, чем строго научный подход к изучению античной эпохи. Не будем забывать также о том, что Р.Ю. Виппер был сторонником теории исторического круговорота, которая обосновывала неизбежность применения исторических аналогий универсальностью этапов поступательного развития всех народов.

Первобытная эпоха, древность, средние века, новое время, в соответствии с этой теорией, воспринимались не как периоды в эволюции человечества, а как этапы в развитии отдельных обществ или народов, соответствующие аналогичным стадиям рождения, роста, зрелости, упадка, гибели целостности. Следовательно, в античном мире были свои ступени поступательного движения: первобытность, феодализм, капитализм, что и делало позволительным обнаруживать типичные проявления этих исторических эпох в экономике и социально-политических отношениях греко-римского мира, а также находить схожие параллели с процессами внутреннего развития европейских государств и России XIX – начала XX в.

Использование исторических аналогий, осуждаемое в наши дни за искажение исторических реалий, во время создания Р.Ю. Виппером учебников считалось новаторством и имело, как мы это попытались объяснить, свои методологические послышки. Апелляция к современным научным подходам, руководство прогрессивными для своего времени концепциями и идеями [18] поднимали авторитет Р.Ю. Виппера и заставляли считаться с его новыми трактовками истории «классических народов».

Что касается самого Р.Ю. Виппера, то он редко склонялся перед авторитетами. Напротив, его привлекали «новые разрезы», позволяющие «старый, бесконечно... использованный материал» прочитать «новыми глазами» [19]. Он нередко выдвигал новую трактовку исторических явлений, идущую вразрез с традиционной или принятой в научных кругах точкой зрения.

Р.Ю. Виппер был хорошо знаком с зарубежной историографией XIX в., освещавшей проблемы афинской демократии. Не случайно поэтому восьмая глава «Лекций по истории Греции» открывается с краткого обзора европейских исследований, посвященных сущности афинского государственного устройства середины V в. до н. э. и личности Перикла. Р.Ю. Виппер не скрывает, что в западном научном мире отношение к афинской демократии менялось, и причина колеблющихся мнений крылась как в смене политических режимов в зарубежных государствах, так и в изменениях общественно-политической атмосферы, корректирующей прежние представления о первом в истории образце демократического государственного устройства.

В 40–70-х гг. XIX в., когда историки находились под влиянием политических движений, порожденных французской и американской революциями, они воспринимали перикловы Афины как «образец чистой и наиболее совершенной демократии», гармонично соединившей начала свободы личности и общественной солидарности. «Перикл и Афины середины V в. ... получили характер чего-то всесветного, общечеловеческого».

В последующие 20–30 лет, не без иронии замечает автор «Лекций...», «легенда школьного и политического классицизма» была разрушена; греческий мир, потеряв идеализацию, приобрел свои конкретные черты. Поэтому сторонники гиперкритицизма, возникшего вследствие появления новых социально-политических учений, стали рассматривать афинскую демократию крайне несовершенной формой государственного устройства, которая могла существовать только за счет ограбления союзников, разрушив идею о возможности построения где-либо общества социального равенства.

Военное и индустриальное развитие «новоевропейских государств», считал Р.Ю. Виппер, отразилось и на изменении восприятия личности Перикла. Ю. Белох, М. Дункер, Пфлугк-Гарттунг стали принижать заслуги Перикла в установлении демократии в Афинах. Анализируя ошибки Перикла, они развенчивали представления о нем как о выдающемся политике. Заклеймив Перикла прозвищем «бургомистр» Афин, немецкие ученые выражали свое пренебрежительное отношение и к характеру общественно-политических перемен в жизни Аттики.

Стремясь дать объективную оценку роли Перикла в истории Аттики середины V в. до н. э., Р.Ю. Виппер не склонен переоценивать значение лидера афинской демократии. Он полагает, что деятельность Перикла уже «замыкала демократию», так как не отличалась радикализмом и смелыми решениями. Перикл проводил в жизнь интересы «городских промышленных классов», граждан Афин и Пирея, среди которых распределялись государственные доходы, в то время как интересы «сельских классов» игнорировались. «Моральным кризисом» демократии стал закон 450 г. до н. э., принятый по инициативе Перикла и направленный против увеличения численности афинских граждан, что привело к сужению социальной опоры демократии. Увеличение взносов союзников в два-три раза и жесткое взимание с них всех недоимок, производимое с согласия первого стратега, Перикла, привели к отпадению союзников и, как следствие, крушению морского могущества Афин. Это имело необратимые последствия, губительные для афинской демократии,

рассуждает Р.Ю. Виппер, так как «на морской державе и ее ресурсах держалось все здание демократии... Падение афинской державы повело непосредственно и к падению демократии».

Всестороннее изучение разнообразных «сцеплений», обусловивших гибель демократической формы правления в Афинах, помогло Р.Ю. Випперу найти нужный алгоритм и при исследовании проблем падения Римской республики и формирования режима принципата. Установление принципата он абсолютно справедливо связывал с крахом демократического движения в Риме и гибелью республики.

Он резко возражал против концепции Т. Моммзена, заключающейся в утверждении о том, что политический строй Римской империи представляет собой «монархически организованную демократию» [20], что императоры были выразителями интересов низших классов, продолжая политику Юлия Цезаря, выступавшего вождем римской демократии. «Очень распространен тот взгляд, – отмечал он в «Очерках истории Римской империи», – что императорство было в Риме демократической и даже социально-народнической монархией. Цезарь и Август слынут у многих историков за наследников демократической программы братьев Гракхов».

Р.Ю. Виппер не разделял также представлений Т. Моммзена о «социально-политической формуле» римской монархии, в которой будто бы воедино сливались «огромные военно-административные расширения империи и внутреннее развитие демократических начал». Новые властители Рима, по мнению немецкого исследователя, «выступали одновременно неограниченными государями... колониальных владений империи и единственными представителями низших классов в самом Риме»: они, будучи народными трибунами, спасали республику от «тирании республиканского сената». Вытекающее из этих представлений моммзеновское определение принципата как диархии – компромисса республиканских и аристократических сил – вызывает сомнение у Р.Ю. Виппера. Для него очевидно, что принципат – это выросшая из «магнатства» монархия, сущность которой проявляется в «политическом омертвлении» и выкристаллизовывании социальной иерархии.

Ученый излагает свою оригинальную версию причин гибели Римской республики и в полемике с зарубежными историками четко обосновывает методологические принципы, которых он придерживался.

Р.Ю. Виппер – сторонник позитивистского консенсуса – равнозначности факторов, действующих в истории – был непримиримым противником поверхностного и тенденциозного изучения древней истории, протестуя против принятия одних только убеждений историков за непреложную истину, вопреки логике здравого смысла и информации источников. Именно поэтому он не приемлет выводов зарубежных ученых XVIII в., объяснявших причины гибели Римской империи с точки зрения «философствующей мысли». Ему одинаково чужды как заключения историков – сторонников монархической формы правления – о том, что падение республики являлось неизбежным процессом из-за несовершенства республиканской формы правления по сравнению с монархической, так и мнения апологетов республики, видевших нравственные пороки римского общества I в. до н. э. в качестве главной причины краха «общего дела» и обвинявших римский народ в неспособности сохранить «политические вольности».

Наука XIX в. при изучении причин гибели Римской республики прибегла к более сложным построениям, в основе которых лежала идея телеологизма. Р.Ю. Виппер, полагая, что все рассуждения о целесообразности исторического развития, диктуемой мировым разумом или провидением, ошибочны, стремится разубедить сторонников телеологизма. «Есть историки, – сообщает он в «Очерках...», – которые думают, что в судьбах человеческих осуществляются некоторые высшие таинственные цели; ценность тех или других общественных форм и деяний определяется их соответствием этим целям; значение руководящих личностей также соразмеряется тем обстоятельством, насколько они поняли планы, проводимые великой мировой движущей силой и насколько сумели приспособить к ним свою деятельность. Принимая свершившееся за должное согласно мировым планам, историк констатирует, что Римская республика не могла решить такие-то задачи, поставленные ей историей», например, объединить средиземноморский мир, чтобы сложилась современная Европа. Эту цель смогла исполнить «империалистическая монархия», поэтому она, в свете изложенных представлений, объявлялась более совершенной формой государственного устройства, к которой якобы и устремлялись жители римского государства.

Аналогичный способ оценки использовался и применительно к отдельным политическим деятелям. К примеру, некоторые историки утверждали, что Цезарь не случайно достиг единоличной власти, в отличие от политически близорукого, лишённого здравого смысла и

смелости Помпея. Цезарь был «великим провиденциальным человеком», благодаря которому распространялась эллинская культура, ставшая достоянием Европы.

Разоблачая и это, по мнению Р.Ю. Виппера, ошибочное суждение, он приводит свою точку зрения, суть которой состоит в том, что целеполагание в деятельности людей не имеет ничего общего с «таинственными планами будущих судеб человечества». Цели определяются жизненными интересами больших общественных групп, их насущными нуждами; они зависят от «запаса усвоенных привычек и традиций, от степени приспособляемости к совершающимся переменам. Забота о далеком потомстве, о том, что скажет потом история, входит лишь ничтожной долей, если только вообще входит, в соображения участников общественных движений». Следовательно, ни Цезарь, ни его политические противники не думали и не могли думать о сохранении идеи превосходства республики над другими формами государственного устройства и корреспондировании этой идеи своим далеким потомкам. На той и на другой стороне сражались за интересы своих партий, используя те приемы, которые выработала предшествовавшая «партийная жизнь», и игнорируя заботу об отношении последующих поколений к мотивам и формам межпартийной борьбы.

Эти доводы не позволяют Р.Ю. Випперу согласиться с высказыванием Т. Моммзена о том, что «вся римская история образует лишь великий подготовительный процесс для того, чтобы создать фигуру и дело Цезаря». «У Цезаря, по Моммзену, была одна мечта: возродить римское общество, разьедаемое бесплодной борьбой партий, и основать свободную общину, руководимую волей одного лица»; Т. Моммзену казалось «фатально необходимым» соединить в лице Цезаря вожда римской демократии и создателя римской монархии.

Критикуя рассуждения и выводы знаменитого немецкого исследователя Т. Моммзена, Р.Ю. Виппер излагает свои представления о зависимости исторических концепций, конструировавших «образ» древности, от популярных идей времени их зарождения, о детерминированности научных идей общественно-политической атмосферой времени жизни их создателя. Поэтому Р.Ю. Виппер уверен в том, что концепция Т. Моммзена о гибели республики в Риме и формировании принципата зародилась в соответствующей ей общественно-политической обстановке Германии 50-х гг. XIX в. Ее питали «германские условия того времени: борьба с сословно-реакционными направлениями и жажда национального объединения». Крушение республиканской демократии Германии в революции 1848 г. заставило средние классы и интеллигенцию искать выход в популярной монархии. «Хотя Европа так и не увидела у себя демократических монархов, но из этих надежд выросло очень яркое и настойчивое национально-либеральное построение истории». Появление «культа Цезаря» было также связано с тем «политическим самообманом, который выразился в наполеонизме и бисмаркианстве и который состоял в заимствовании у демократии ее принципа и отвержении ее существа». Призрачность этой комбинации легко доказать, по мысли Р. Ю. Виппера, при помощи социальной истории, что он далее и предпринимает, анализируя особенности прусской монархии и бонапартизма.

Длинный ряд смелых и оригинальных высказываний Р. Ю. Виппера по сложным, но малоизученным в XIX в. проблемам античной истории можно было бы и продолжить. Однако и приведенных примеров вполне достаточно, чтобы показать самостоятельный подход исследователя к освещению греко-римской истории, нестандартность мышления историка.

Автор учебников предстает перед нами участником импровизированных научных дискуссий, которые нужны ему и для демонстрации своей осведомленности в области спорных вопросов древней истории, и для изложения своих представлений по теории и методологии исторического познания.

Р. Ю. Виппер был хорошо знаком с французской и особенно немецкой историографией античности. Это позволяло ему структурировать материал учебных курсов в соответствии с наиболее актуальными вопросами, поднимавшимися в европейском антиковедении XVIII–XIX вв., а также прибегать к проблемному принципу изложения, дающему ему возможность в наиболее выигрышном свете излагать собственную точку зрения. Р.Ю. Виппер вступал в полемику со многими авторитетными зарубежными историками. Он смело заявлял об ошибочности, предвзятости и тенденциозности мнения Т. Моммзена о сущности принципата и роли Цезаря в древнеримской истории, критиковал В. Гардгаузе-на за несовершенные методы исследования, в частности, за использование приема абстракции, проявлял снисхождение к выводам Г. Ферреро, в которых обнаруживал смелость и непредвзятость мышления [21].

Р.Ю. Випперу льстило то, что он мог позволить себе вступить в дискуссию с теми, чьи труды получили мировую известность, являлись предметом научных споров, вызывали к жизни

научные школы. Он ощущал себя на равных с блестящими знатоками античности, когда имел возможность обнаружить уязвимость выдвинутых европейскими историками гипотез, скороспелость выводов, некритичное отношение к сомнительным источникам. Он утверждал себя подлинным историком античности, вступая в письменный диалог с теми, кто никогда не мог его услышать, возразить, опровергнуть, указать на несовершенство и противоречивость ряда его соображений и выводов.

Для нас историографические экскурсы и теоретико-методологические «дуэли» Р.Ю. Виппера с зарубежными учеными, развернувшиеся на страницах его учебников, важны, прежде всего, в двух аспектах: во-первых, они служат показателем научной эрудиции профессора и индикатором его убеждений, касающихся целеполагания в истории, сочетаемости объективных детерминант и субъективных начал в историческом движении «классических народов», сосуществования и взаимозависимости материальных и духовных «факторов» в процессе генезиса; во-вторых, научные и историографические споры дают возможность воочию представить Р.Ю. Виппера-мыслителя: его отношение к работам предшественников, этапы поиска научной истины, организацию его творческой лаборатории, приемы осуществления мыслительной деятельности.

Заметим, что в учебниках Р.Ю. Виппера, посвященных греческой и римской истории, невозможно обнаружить единый, строго определенный и признанный им единственно верным метод изучения историографических и методологических проблем. В учебниках по истории Древней Греции почти отсутствуют теоретические выкладки автора, не освещаются концептуальные подходы к изучению древнейших страниц истории; представления автора о философии истории трудно различимы. В «Лекциях по истории Греции» даже историографические экскурсы являются редкостью.

Значительно более продуманными в теоретико-методологическом плане являются «Очерки истории Римской империи», подчиненные исследованию проблемы гибели республики и формированию режима принципата. «Очерки...» можно рассматривать также средством популяризации концептуальных положений Р.Ю. Виппера, касающихся принципиальных для него вопросов исторического познания: предназначения истории, основных направлений изучения хода исторического развития, методов воссоздания прошлого.

Разное понимание задач исторических курсов можно объяснить двумя причинами: во-первых, степенью зрелости Виппера-мыслителя, наложившей отпечаток на восприятие им содержательной стороны греко-римской истории и философскую ее интерпретацию; во-вторых, реакцией на замечания рецензентов, указавших наиболее уязвимые места учебных изданий. К примеру, В.П. Бузескул в своей рецензии на «Лекции по истории Греции» отмечал, что «Р.Ю. Виппер в своем курсе вообще редко касается существующих теорий и редко подвергает их критическому разбору» [22].

При работе над «Очерками...» Р.Ю. Виппер учел также рекомендации В.П. Бузескула сделать ссылки на новую зарубежную литературу более обильными и продуманно расположенными [23].

Среди нареканий рецензентов следует выделить еще несколько пунктов: слабую осведомленность о научных трудах отечественных антиковедов и отсутствие каких бы то ни было сведений об учебной литературе, предназначенной для студентов-историков. К началу XX в., кроме устаревшей «Истории Греции» П.И. Аландского, при изучении античной истории можно было воспользоваться «Очерками греческих древностей» В.В. Латышева – «чрезвычайно полезным пособием», по словам В.П. Бузескула [24], а также монографией Н.И. Кареева «Государство-город античного мира». Однако Р.Ю. Виппер не считал нужным рекламировать эти издания. Труды отечественных ученых для него «как бы не существовали» [25].

Безразличное отношение Р.Ю. Виппера к работам своих современников в России, возможно, объясняется тем, что они создавались под сильным влиянием зарубежной исторической мысли и потому были для него неинтересны. Может быть, он игнорировал отечественное антиковедение потому, что не видел на научном горизонте фигур, сопоставимых с талантом Т. Моммзена, педантичностью Х.Г. Дельбрюка, профессионализмом Эд. Мейера, хотя они, без сомнения, существовали. Достаточно назвать имя В.П. Бузескула, который написал историю Афин эпохи Перикла, не утратившую своей научной значимости и в наши дни.

Только в «Очерках истории Римской империи» (возможно, в результате рефлексии на критику) Р.Ю. Виппер сделал ссылки на сочинения М.И. Ростовцева и И.М. Гревса, что можно считать признанием с его стороны их заслуг перед наукой, так как никаких других имен

отечественных специалистов ни в тексте, ни в примечаниях по главам нам не удалось обнаружить. Этот факт позволяет сделать вывод о высокой оценке Р.Ю. Виппером своего труда по созданию учебного варианта греко-римской истории. Он себя номинировал на роль новатора-первопроходца в деле создания учебной литературы для вузов.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что учебники Р.Ю. Виппера по истории Древнего Мира сохраняют свою актуальность и востребованы у современных студентов-историков и главная причина их популярности – в их нетрадиционном формате. Отказавшись от повествования, перечислений, поверхностных обобщений фактов и сконцентрировав свои усилия на проблемной стороне дискурса, на дискуссионных и неоднозначных трактовках «истории состояний», он создал во многом опережающие его время труды. Современный читатель интуитивно чувствует, что он держит в руках нечто большее, чем стандартный учебник. В нем явственно ощущается авторская позиция, содержится намеренный вызов общепринятым суждениям, демонстративно обнажаются самые сложные для объяснения и осмысления вопросы античной социально-экономической и социально-политической истории. Постоянное смешение терминологии, попытка «достучаться» до осознанного восприятия текста при помощи аналогий, сравнений, модернизации также могут показаться оригинальными приемами изложения материала студенту, который не обременяет себя «скучными» рассуждениями о сходстве и различиях исторической среды разных культурно-исторических эпох.

В учебниках Р.Ю. Виппера сочетались наглядность с теоретическими рассуждениями, образность – с глубокими выводами. В них заметны теоретико-методологические предпочтения автора: неприятие теории прогресса, сомнения в поступательном характере исторического развития, скепсис в признании решающего значения роли личности в истории. Он одним из первых сделал пессимистический вывод о невозможности создания объективного исследования историком, допускающим в ходе своих «мысленных опытов» постоянное преломление и без того субъективного исторического материала. Безусловно, учебники Р.Ю. Виппера несут на себе печать времени их создания: исторические и методологические погрешности служат тому свидетельством. Они были предназначены для студентов-историков предреволюционного периода, представляя собой одну из первых попыток создания в России университетских общих курсов по истории Древней Греции и Рима. Вряд ли автор «Лекций...», «Истории...», «Очерков...» задумывался когда-либо о том, что вторую жизнь его создания приобретут спустя столетие после их выхода в свет. Но широта его взглядов, свежесть и оригинальность мыслей, самостоятельность суждений, мастерское изложение отдельных тем, сочность языка, будучи их главными достоинствами, сделали учебные издания Р.Ю. Виппера востребованными и в наши дни.

Примечания

1. Перфилова, Т.Б. Образ античной истории в «умственных разрезах» Р.Ю. Виппера [Текст]. – Ярославль, 2006; Новиков, М.В., Перфилова, Т.Б. Теоретико-методологические взгляды Р.Ю. Виппера [Текст] // Ярославский педагогический вестник. – 2007. – № 2; Новиков, М.В., Перфилова, Т.Б. Р.Ю. Виппер и историческое образование: вопросы дидактики [Текст] // Ярославский педагогический вестник. – 2007. – № 3.; Новиков, М.В., Перфилова Т.Б. Р.Ю. Виппер и развитие теории исторического познания [Текст] // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2007. – № 3.
2. См.: Р.Ю. Виппер. Лекции по истории Греции [Текст]. – Ч. 1. – М., 1905; его же: История Греции в классическую эпоху IX-IV вв. до Р.Х. [Текст]. 2-е изд-е. – М., 1918; его же: Очерки истории Римской империи [Текст]. – Берлин, 1923.
3. Виппер, Р.Ю. Очерки истории Римской империи – С. VII.
4. Виппер, Р. Ю. Лекции по истории Греции [Текст]. – Ростов н/Д, 1995. – С. 118.
5. Там же. – С. 109.
6. Виппер, Р. Ю. Очерки истории Римской империи [Текст]. – Берлин, 1923. – С. VI.
7. Данилова, А. П. Р. Ю. Виппер как историк античности [Текст] // ВДИ. – 1984. № 1. – С. 161.
8. Виппер, Р. Ю. Новые направления в философии общественной науки [Текст] // Две интеллигенции и другие очерки: сб. статей и публичных лекций. 1900-1912. – М., 1912. – С. 142.
9. Там же. – С. 146.
10. Там же. – С. 145.
11. Виппер, Р. Ю. Очерки истории Римской империи [Текст]. – С. VII.
12. Виппер, Р. Ю. Сумерки людей [Текст] // Две интеллигенции... – С. 297.
13. Там же.
14. Там же. – С. 298.

15. Успенский, К. Н. Проф. Р. Виппер. История Греции в классическую эпоху IX-IV вв. до Р.Х. [Текст]. – М., 1916 // Голос минувшего: Журнал истории и истории литературы. – 1917. – Ноябрь-декабрь. – № 11-12. – С. 354.
16. Бузескул, В. П. Введение в историю Греции [Текст] 3-е изд. – Пг., 1915. – С. 560.
17. В скобках указаны страницы учебника Р. Ю. Виппера «Лекции по истории Греции».
18. Если Р. Ю. Виппер познакомился с теорией круговорота, читая работы Д. Вико, то в годы его жизни эта теория получила наибольшую проработку в сочинениях Эд. Мейера.
19. Виппер, Р. Ю. Новые направления в философии общественной науки [Текст]. – С. 143.
20. Все цитаты по древнеримской истории сделаны по следующему изданию: Виппер, Р. Ю. Очерки истории Римской империи [Текст]. – Берлин, 1923.
21. Виппер, Р. Ю. Очерки истории Римской империи [Текст]. – С. 256.
22. Бузескул, В. П. Проф. Р. Виппер. Лекции по истории Греции [Текст]. – С. 409.
23. Там же. – С. 434.
24. Там же. – С. 406.
25. Там же. – С. 434.